

Н. Т. ВОЙТОВИЧ

О ДИАЛЕКТНОЙ ОСНОВЕ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Вопрос о диалектной основе белорусского национального языка и современного белорусского литературного языка как его письменной литературно обработанной формы является одним из актуальнейших в белорусском языкознании.

В трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания дано четкое решение проблемы о взаимоотношениях языка и диалектов, о территориальных и «классовых» диалектах, о путях формирования национальных языков на основе территориальных диалектов. На всех этапах развития язык как средство общения между людьми, средство обмена мыслями был общенародным, равно обслуживал членов общества независимо от их социального положения. Рядом с общенародным языком племени, народности, нации существуют местные диалекты, которые подчиняются общему языку как низшая форма языка высшей. Местные диалекты обслуживают народные массы на определенной территории, они имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд, которые, в основном, совпадают с грамматическим строем и основным словарным фондом общенародного языка, как это мы видим на примере белорусского языка, в диалектах которого очень много общенародных черт.

И. В. Сталин указывает также, что «некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиваться в самостоятельные национальные языки». Остальные диалекты таких языков «...теряют свою самобытность, вливаются в эти языки и исчезают в них»¹.

Встает вопрос, какой диалект стал ведущим в образовании белорусского национального, а затем и литературного языка как его письменной формы, какова диалектная основа современного белорусского литературного языка? Обычно письменность и литература создаются на основе диалекта наиболее передовой в экономическом, политическом и культурном отношении территории. В период становления наций и формирования национальных языков ярко проявляются тенденции к сближению литературного языка с народно-разговорной речью. Это наблюдается и в истории современного литературного белорусского языка, который создавался на основе народных белорусских диалектов.

*

Успехи белорусской диалектологии, большое количество материалов, собранных научными работниками Института языкознания АН БССР и коллективами преподавателей и студентов вузов республики для диалектологического атласа белорусского языка, создают условия для поста-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 43 и 44.

новки вопроса о диалектной основе современного белорусского литературного языка.

Но до того, как рассматривать вопрос о диалектной основе белорусского литературного языка, необходимо дать представление о том, какие диалекты, вернее, основные диалектные группы имеются в настоящее время на территории Белоруссии. В диалектологической литературе принято делить белорусские говоры на две основные группы: северо-восточные и юго-западные. Принципы такого деления в ряде работ неодинаковы, поэтому границы говоров на разных картах и у разных лингвистов не совпадают. Акад. Е. Ф. Карский делит белорусские говоры в первую очередь в зависимости от характера произношения звука *р* (принимаются во внимание и другие языковые особенности) на твердоорые и мягкоорые. В мягкоорых говорах, охватывающих Витебщину и большую часть Могилевщины, в произношении различаются *р* твердое и *р* мягкое: *рыба* — *три*, *рад* — *ряд* и др. Все остальные белорусские говоры являются твердоорыми и относятся к юго-западной группе. Этого деления Е. Ф. Карский придерживался во всех своих работах по белорусскому языку, а также в очерке русской диалектологии².

В «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе» предложен иной принцип деления белорусских говоров — по типу аканья: говоры с диссимилятивным и недиссимилятивным аканьем³. Подобное деление выдерживается и в «Очерках русской диалектологии» проф. Р. И. Аванесова⁴.

Граница между твердоорыми и мягкоорыми говорами, предложенная Е. Ф. Карским, не совпадает с границей между говорами с диссимилятивным и недиссимилятивным типом аканья: диссимилятивное аканье и особенно яканье наблюдается в северо-западной части территории твердоорых говоров. Однако деление белорусских говоров на северо-восточные и юго-западные сохраняется в обоих случаях и до сих пор является общепринятым. Накопленный для диалектологического атласа материал о белорусских говорах, особенно о говорах центральной и южной части Белоруссии, позволяет уже и в настоящее время внести некоторые уточнения в принятое деление.

В пределах большого массива юго-западных говоров белорусского языка довольно отчетливо выделяется группа южных говоров, имеющих свои характерные фонетические и грамматические особенности, например: дифтонги, неполное аканье, еканье и др. Эти говоры имеют особенности, общие с североукраинскими говорами и не свойственные остальным говорам Белоруссии. На север от этих южных говоров лежит широкая полоса центральных говоров с присущей им системой фонетических и лексико-грамматических черт. Говоры южной части Белоруссии выделяются некоторыми лингвистами в отдельную группу *полесских* говоров⁵, или говоров, переходных от украинского к белорусскому языку⁶. Южные говоры выделял и Е. Ф. Карский, называя их белорусско-полесскими⁷.

В нашей белорусской лингвистической литературе подобное подразде-

² См.: Е. Ф. Карский, *Белорусы*, Вильна, 1904, стр. 193; *е г о ж е*, *Русская диалектология*, Л., 1924, стр. 92, 118.

³ См. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков, *Опыт диалектологической карты русского языка в Европе*, М., 1915, карта.

⁴ См. Р. И. Аванесов, *Очерки русской диалектологии*, ч. 1, М., Учпедгиз 1949.

⁵ См. Р. И. Аванесов, *указ. соч.*

⁶ См. П. С. Кузнецов, *Русская диалектология*, М., Учпедгиз, 1951.

⁷ Е. Ф. Карский, *Белорусы*, стр. 195—196.

ление массива юго-западных говоров до сих пор не нашло еще полного признания и принимается деление на северо-восточные и юго-западные говоры. Между тем говоры центральной части Белоруссии значительно отличаются от южных диалектов, и выделение их в особую группу представляется нам правомерным и обоснованным.

*

Рассмотрим кратко, в той мере, насколько это позволяют сделать размеры статьи, особенности каждой группы говоров белорусского языка в их отношении к белорусскому общенародному и литературному языку (ограничиваемся рассмотрением фонетико-морфологических черт).

Северо-восточные говоры характеризуются, кроме общеполорусских черт, рядом диалектных особенностей. В отличие от остальных белорусских говоров в них наблюдается аканье и яканье диссимилятивного типа как наиболее характерная особенность вокализма первого предударного слога. В этих говорах на месте этимологических звуков *a, o, e* в первом предударном слоге произносится звук *a*, если под ударением имеется любой гласный, кроме *a*: *вады, ваду, вадбй, вадз'е, сталы, нас'йу, траву, травбйу, заббта, цаны, цану, пшан'йца, часнобк, жсал'еза, пчалы, в'амл'й, в'амл'у, в'амл'бйу, с'алб, в'арсты, в'м'айбйу, н'асу, б'ару, б'ары, н'ас'й, в'аду, б'ады, с'ц'аны, йадрб, йазык, йачм'ён*. Если же под ударением—*a*, то в первом предударном слоге вместо *a, o, e* произносится звук *y* после твердых согласных и *и* после мягких согласных: *выда, мыйа, быц'аты, трыва, быран, скиз'ац', в'исна, в'имл'а, с'истра, б'ида, с'ц'ина, н'ита, в'изац', ц'ижсар* (дер. Колодецкая Костюковичского р-на Могилевск. обл.); *выда, трыва, цына, н'има, б'ида, ц'ижсар* (дер. Потино Освейского р-на Витебск. обл.). Во многих говорах Витебской области, например, в говорах Сенненского, Меховского, Ульского районов, в первом предударном слоге произносится не звук *y*, а редуцированный, не совсем отчетливо произносимый звук *э*: *вэда, нг'а, двай, скз'ац', кв'ал', б'ран, м'алайа* (дер. Варки Городокского р-на Витебск. обл.). В говоре дер. Шеперово Чаусского района Могилевской области в первом предударном слоге параллельно употребляются *и* и *э*: *вэда, нг'а, к'н'а, скз'ац', трыва, м'алайа* и *выда, нг'а, к'н'а, быц'аты, двай, трыва, м'алайа, пчылл*.

Во втором предударном слоге обычно произносятся ослабленные, редуцированные звуки: *б'рав'йк, з'раб'йц', н'м'уб'йу, к'жсуб'у, т'п'ра, м'лаб, м'ладз'йк, кр'п'ива, г'лавбй, с'дав'яна, п'садз'йц', н'дайем*, после мягких согласных преобладает *и*: *с'ир'ида, ц'иц'ар'уц, дз'ир'иза, в'икавац', н'ир'и'блка* (дер. Шеперово Чаусского р-на Могилевск. обл.). В других говорах произносятся *и, у*: *ныд нг'ам, с'ирада, в'икавац', б'иражбк, н'ира'блка, в'ирац'анб, в'им'инува'ты* (дер. Потино Освейского р-на Витебск. обл.); *тыпыра, сыб'ирац', бырыда, бырав'йк, н'с'адз'йц', зыраб'йц', дз'ир'иза, с'ир'ида, н'имац'у, н'ир'ан'блка, в'ир'иц'анб, в'им'инк'ива'той, н'ир'им'ивац'* (дер. Колодецкая Костюковичского р-на Могилевск. обл.).

В заударных слогах также произносятся *и, у*: *у'брыдз'а, б'брыт, кб'лыс, мб'лыт, в'ыкрыс'л'йу; вбз'ира, в'еу'ир, хлбп'иц, дз'ев'ир, в'ыв'ил'и, вбс'ин', п'ал'иц, вбс'им, з'аиц, м'ес'иц, в'ициг'ну, п'йшым, зал'ез'им* (дер. Колодецкая Костюковичского р-на Могилевск. обл.), или *э* после твердых согласных: *б'блыса, б'брыда, дб'рыга, б'блыга, у'б'брыдз'а, кб'лыс, мб'лыт, б'блыс* (дер. Шеперово Чаусского р-на Могилевск. обл.); *г'етг'а, на высбк'а* (дер. Варки Городокского р-на Витебск. обл.).

В северо-восточных говорах распространен переход неударенного *o* в положение перед или после губных и заднеязычных в *y*: в предударных слогах (в первом реже): *кыва́л*, *сумува́р*, *чу́дува́ц*, *лупа́тк'и*, *хува́ўс'а*, *пуп'а́л'уса*, *пукву́ац* (например, дер. Новь Лиозненского р-на Витебской обл.).

Именно в северо-восточных говорах наблюдается как в предударных, так и в заударных слогах переход *y* в *a*: *даў-ба*, *нихай-ба/бы* (дер. Воронцевичи Толочинского р-на Витебск. обл.); *пата́цца*, *прамака́ц*, *та-варашибу́* (Могилевск. обл.).

В отношении такого характерного признака белорусского языка, как произношение *p*, в северо-восточных говорах нередко сохраняется различие между этимологическими *p* твердым и *p* мягким: *р'а́ба*, *двар'а́*, *дббры́й* и *кур'у́*, *бр'у́ха*, *чэр'аз'*, *р'аднб*, *бу́р'а*, *чр'у́ва*, *чр'и́бы*, *вар'у́*, *бр'и́адаз'у́р* (дер. Колодецкая Костюковичского р-на Могилевск. обл.). В некоторых из этих говоров наблюдается смешение этимологических *p* твердого и *p* мягкого: *дыр'а́*, *р'а́ма*, *чэр'о́зы*, но: *дрыжбу́*, *трашчэ́ла*, *крыча́ц* (дер. Шеперёво Чаусского р-на Могилевск. обл.); здесь мы, очевидно, имеем дело с говорами, переходными от северо-восточных к центральному. Сохранение в произношении различия между *p* твердым и *p* мягким наблюдается в Витебской и Могилевской областях (в западной части Могилевской области произносится только твердое *p* или в произношении смешиваются *p* мягкое и твердое); в западной части Витебской области (б. Полоцк. обл.) наблюдается диссимилятивное аканье, но при твердом произношении *p* (см., например, говор дер. Потино Освейского р-на).

В некоторых говорах могут встречаться остатки смешения *ц* и *ч*: (*цур*, *цузунок*, *малацко*, *цыста* (например, в Суражском р-не Витебской обл.).

Для северо-восточных говоров характерно употребление окончания *-ц'* в формах 3-го лица единственного числа глаголов I и II спряжения: *йон раба́таиц'*, *к'у́н'еиц'*, *пры́йдз'еиц'*, *ка́жаиц'*, *идз'еиц'*, *б'ере́иц'*, *н'ас'еиц'*, *в'аз'еиц'* (I спр.); *кос'иц'*, *хбдз'иц'*, *са́дз'иц'*, *б'ажыц'* (II спр.). Глаголы 3-го лица множественного числа I спряжения употребляются с окончанием *-уц'* (*п'ишуц'*). Глаголы II спряжения имеют окончание *-ац'* под ударением (*чл'адз'ац'*, *маўча́иц'*) и окончание *-уц'* не под ударением: *рбб'уц'*, *чавбруц'*, *хбдз'уц'* (например, Оршанский, Ветринский, Полоцкий р-ны Витебск. обл.). Этим северо-восточные говоры отличаются от белорусского литературного языка.

В северо-восточных говорах прилагательные мужского рода в именительном падеже единственного числа употребляются с окончанием *-ый*, *-ий*: *стар'ый*, *ббл'шый*, *цэ́лый*, *зл'ый*, *ра́неный*, *сух'ый*, *пбў́ный*, *ла́дный*, *скбшаний*, *хебрый* (Витебск. и Могилевск. обл.). В восточной части территории этих говоров в указанных формах произносится *-эй*, *-ей*: *аржане́й*, *глух'эй*, *зл'ей*, *с'л'апéй*, *с'ух'эй*, *дырач'эй*, *мылад'ей хлбп'иц'* (дер. Колодецкая Костюковичского р-на Могилевск. обл., дер. Глуданки Лиозненского р-на Витебск. обл.). В некоторых говорах могут употребляться параллельные формы с *-ый*, *-ий* и *-ы*, *-и* (дер. Шеперёво Чаусского р-на Могилевск. обл.). Прилагательные множественного числа в именительном падеже имеют окончание *-ыш*, *-иш*: *тра́сы харбшыш*, *пбвыш хатыш*, *чустыш*, *сух'иш*, *халбдныш*, *высбк'иш* (Лиозненский р-н Витебск. обл.).

В ряде говоров этой группы форма творительного падежа множественного числа имен существительных совпадает с формой дательного падежа: *л'ажбу́ дач'ары нач'ам*, *йе́здз'уц' лашадз'ам*, *пашбу́ за чрыба́м* (Освейский р-н Витебск. обл.).

Говоры с такими особенностями находятся на территории Витебской и Могилевской областей Белоруссии.

*

Для юго-западных говоров Белоруссии характерно аканье недиссимилятивного типа, наличие только твердого *p*, отсутствие окончания *-ц'* в формах глаголов 3-го лица единственного числа I спряжения и т. д. Но кроме этих черт, общих всем юго-западным говорам, имеются особенности, свойственные только южным или только центральным говорам.

В настоящее время еще трудно дать полную характеристику особенностей южных и центральных говоров, невозможно провести четкую границу между ними — это можно будет сделать только после создания атласа белорусского языка, — но уже сейчас можно выделить ряд черт, характерных для каждого из этих говоров.

На юге Белоруссии, в бассейне реки Припять, на территории Брестской, части Гомельской, южной части Гродненской областей (б. Брестск., Пинск. и Полесск. обл.) находится группа говоров, которые условно можно назвать южными, или полесскими. В этой группе наблюдаются диалектные особенности, не свойственные ни центральным, ни северо-восточным говорам: тут проявляются особенности, характеризующие переходное состояние по отношению к украинским говорам, или отмечаются черты, общие с североукраинскими говорами.

Так, в этих говорах на месте *o*, *e* под ударением в закрытых слогах произносятся дифтонги: *куби́н'*, *вуба́*, *дубо́м*, *рубо́дны*, *вуба́*, *двубо́р*, *ну́бч*, *чу́бд*, *с'и́ем*, *п'и́еч*, *шы́ес'ц'* (Житковичский р-н Гомельск. обл., Давид-Городокский р-н Брестск. обл. и др.). Произносятся дифтонги и на месте прежнего *ъ*: *ми́ес*, *с'и́ена*, *л'и́ета*, *хл'и́еба*, *в'и́ек*, *дз'и́ёд*. Такие же дифтонги имеются и в североукраинских говорах. Чем далее на север, чем ближе к центральным говорам, тем дифтонгическое произношение становится слабее и встречается реже, вместо дифтонгов начинают произноситься закрытые *o* и *e* (*ô*, *ê*). Наличие закрытых *o*, *e* наблюдается в говорах южной части Минской области, например, в говорах Краснослободского района: *дôм*, *стôл*, *кôн'*, *братôў*, *жôдка*, *садôм*; *с'ём*, *п'еч*, *л'ес'с'ена*; в говорах Клецкого района: *в'ек*, *с'ена*, *в'едаў*, *дôм*, *жôдка*, *кôн'*, *с'ём*. Недиссимилятивное аканье южных говоров отличается от аканья в центральных говорах: в южных говорах аканье не является сильным, т. е. проявляется не во всех неударенных слогах, в определенных положениях сохраняется этимологическое *o*. Степень распространения аканья после твердых согласных в различных говорах бывает неодинаковой. В некоторых говорах аканье довольно последовательно: *валы́*, *марба́*, *дарба́га*, *пан'ôс*, *ваба́*, *кал'ас*, *кан'у́*, *дварбу́*, *кас'и́ў*, *жес'л'эза*, *пшан'и́ца*, *шас'ц'и́*, *цана́*, *часенкэ́*, *тапарá*, *малакô*, *садав'ина́*, *ôбрад*, *дôбрага́*; этимологическое *o* сохраняется только в конце слова: *маладз'и́цо*, *пôуно*, *ма́мо*, *та́мо* (дер. Борщевка Комаринского р-на Гомельск. обл., около границы с Украинской ССР). В говорах Краснослободского района имеется аканье во всех положениях, но в конечных открытых слогах сохраняются этимологические гласные: *прôсо*, *мáсло*, *мáло*, *к'и́н'мо*, *брáтко*; *сáл'це*, *ирэ́шчыцэ*⁸.

Чем далее на юг, чем ближе к территории украинских говоров, тем аканье становится слабее. В некоторых говорах его может не быть совсем, например, в южной части Старобинского района Минской области и Жит-

⁸ См. Н. В. В и р и л л о, Говоры Краснослободского района Бобруйской области. Автореферат канд. дисс., Минск, 1953, стр. 9.

ковичского района Гомельской области⁹; нет аканья во многих говорах Брестской области, например, в говоре дер. Нижняя Жара Комаровского района и в дер. Блудзень Березовского района Брестской области: *дворы, кон'у, водб'у, ценá, жонцы, столы, волы, годы, вода, топорá, пополáм, чем'у*. В северной части Лунинецкого района Брестской области имеется аканье, а в южной части — уже оканье¹⁰.

Еще более ограничено в ряде отношений распространено в этих говорах яканье. Произношение неударенных гласных неверхнего подъема после мягких согласных в говорах этой группы имеет неодинаковый характер. В некоторых говорах яканье представлено только в первом предударном слоге: *в'аснá, з'амл'á, м'ан'э, в'адрб, б'адá, с'ц'ань, н'асу, с'астрá, йанá*, в остальных же неударенных слогах сохраняется этимологическое *е*: *вб'с'ен', пáл'ец* (дер. Чемеринцы Брагинского р-на Гомельск. обл.).

Во многих говорах южной группы совсем нет яканья, всюду сохраняется произношение этимологического *е*, причем этимологическое *'а* так же произносится, как *'е*, иначе говоря, тут распространено еканье. В других южных говорах имеются разные варианты неполного аканья; яканье представлено реже; весьма распространено еканье. Южные границы аканья и яканья, как и северные, не совпадают: граница аканья проходит значительно южнее, чем граница яканья. Во многих населенных пунктах имеется неполное аканье, а после мягких согласных — еканье. Например, в говоре дер. Борщевка Комаринского района Гомельской области имеется аканье: *вадá, кан'á, валы, нацá, травá, дароцá, марбз, тапарá, малакб, садав'йна; ц'брáд, миб'а, с'эна*; этимологическое *о* при этом сохраняется в ряде случаев в конце слова: *бáц'ко, мáсло*. После мягких согласных наблюдается еканье: *в'еснá, с'естрá, з'емл'á, н'эмá, в'ед'у, с'елб, б'едá, с'ц'енá; вбз'ера, в'ец'ер*; на месте этимологического *а* также произносится *е*: *н'этá, йезык, ц'ец'ац; нац'л'едж'у, йедрó, йечм'эн'*.

В некоторых говорах, территориально близких к Украине, совсем отсутствуют аканье и яканье, при этом нередко представлено твердое, как и в украинском языке (хотя и не всегда последовательно проводимое), произношение согласных перед гласными переднего ряда *е, и* (Комаровский, Лунинецкий, Пинский р-ны Брестск. обл.): *веснá, бедá, сестрá, земл'á, верстá, стенá, рекá*. Такие говоры являются переходными, так как в них, наряду с чертами белорусского языка, имеются особенности и украинского языка.

Звонкие согласные в говорах южной группы сохраняют звонкость в конце слова и в положении перед глухими: *боб, дз'эд, хл'эб, лоб, аббз, адрэж, холод, марбз, стброж*. Губные согласные произносятся твердо в конце слова и перед «йотом», в том числе и перед «йотом», развившимся в сочетании мягкого губного с последующим гласным: *пйáц', мйáсо, пйáтн'ица, вйбска, ребйáта, мйбд* (Житковичский р-н Гомельск. обл., Старобинский р-н Минск. обл. и др.). Это явление охватывает юг Белоруссии, его территория продвинута в форме «языка» и по направлению к Минску.

Гласный *о* в положении перед губными или после них (это условие не всегда является обязательным) может произноситься лабиально, переходя в *у*: *пудрослá, пуб'ытых, пуд л'бд; камáндувай, буцáто, кул'áс*. На месте *о* (соответствующего современному белорусскому литературному *и*)

⁹ См. Ю. Ф. М а ц к е в и ч, Диалектные особенности южно-белорусских говоров, «Материалы первой диалектологической конференции БССР», Минск, 1950, стр. 64 (на белорус. языке).

¹⁰ См. Д. С. Ц е л е н ц ю к, Лунинецкие говоры, там же, стр. 83.

произносятся *у* в окончаниях предложного падежа единственного числа прилагательных, местоимений и порядковых числительных: *на гэтым, на гэбўтым, на вел'ыкум, у нашум, у сбрак п'атум г'бдз'е*. Такое лабиальное произношение имеется и в других говорах Белоруссии, но в южных говорах оно весьма распространено. Вряде южных говоров *у* произносятся вместо *ы*: *вўнўй, вўрас'л'и, вўраб'л'ац', бук (ы), кабўлка, бббу (ы), удббу (ы), гўрбў (ы), му, су (мы, вы)* (дер. Борщевка Комаринского р-на Гомельск. обл. и др.). Вместо *ы* находим *у* и в формах глагола *быть*: *булў, бувал'и, йон бўў*.

Распространены в этих говорах стяженные формы прилагательных, местоимений, порядковых числительных женского и среднего рода в именительном и винительном падежах единственного числа: *дббра* (из *дбб-райа — дббраа — дббра*) *хўта нбва, дбўа, шырбка дарўа, маладў, с'ўн'а л'ўнта; харбшу дзбўку, маладў, халбдну, дараўу; маладб жараб'ў, нбва в'адрб, нбв'е с'алб, калўсно пбл'е* (Брестск., Гомельск. обл., южная часть Минск., Гродненск. обл.). В именительном падеже множественного числа прилагательные имеют окончание *-ые, -ие* (в говорах с еканьем): *нбвейе хўты, гўстўйе л'асў, с'ўн'ўйе л'ны* (дер. Велемичи Давид-Городокского р-на Брестск. обл.).

Весьма распространено в говорах южной группы саканье, т. е. твердое произношение возвратной частицы *-ся*: *мыўса, б'ўўса, астўўса, байўса, купўса, садз'ўл'ўса, спўбкса, арўан'ўзабўса, ажсан'ўўшыса*.

Характерными для этой группы говоров являются формы будущего времени глаголов незаконченного вида с вспомогательным глаголом *иму*: *раб'ўц'му, раб'ўц'м'ем, складўц'м'ем, п'ўсўц'муц', п'ўсўц'м'ам*, которые употребляются параллельно с формами будущего сложного с глаголом *буду*: *буду чытўц'*.

Даже этот неполный перечень показывает наличие определенной системы языковых особенностей южных белорусских говоров, которыми они отличаются от центральных и северо-восточных говоров.

*

Между северо-восточными и южными говорами расположены центральные говоры белорусского языка, занимающие центральную часть Белоруссии и широкой полосой тянущиеся на запад, где они несколько распространяются на север: это территория Минской, Гродненской и южная (большая) часть Молодечненской области (в северной части Молодечненской области расположены северо-восточные говоры), а также западная часть Могилевской области¹¹. Столица республики г. Минск находится на территории центральных говоров. В южной части Минской и Гродненской областей уже проявляются такие черты южных говоров, как саканье, еканье, слабодифтонгическое или закрытое произношение звуков *о, е* в закрытых слогах и др. С севера довольно близко к Минску находятся говоры с диссимилятивным яканьем.

В центральных говорах представлены такие языковые черты, которые свойственны всем белорусским говорам или большей их части: дзеканье, переход *в* и *л* в определенных положениях в *у* неслоговое (*воўк, прўўда*), аканье, твердое произношение шипящих, твердость губных на конце слова и перед *й*отом¹² и др.; им свойственна определенная система широко распространенных морфологических и синтаксических особенностей, в них представлен и основной словарный фонд белорусского языка. Но вместе с тем эти говоры имеют и свои специфические диалектные особенности, которыми они отличаются от остальных говоров Белоруссии.

¹¹ По новейшему административному делению.

В отличие от северо-восточных говоров в них, как и в литературном языке, находим аканье и яканье недиссимилятивного типа, причем в отличие от южных говоров аканье тут полное, так как проявляется во всех положениях перед и после ударения. В первом слоге перед ударением перед всякими ударенными гласными: *дачка́, капáй, каза́у, самá, вады́, расы́, расу́, дамбóу, карóва, марбс,кас'и́у, на вадз'э́*. Ср. наличие аканья и в остальных предударных слогах: *маладáйя, пав'алá, барадá, малакó, барав'и́к, баранá, калас'ы́, чадавáц', чалу́ббóу, тапарá, чалавá, папалáм, саладóуха, малад'ы́, а также и в слогах после ударения: чóбрат, хóлат, скóбра, м'áса, чóласа, óбрача, кóлас, óбрача, в'арóвак, мбэ́жна, ма́ла, скóбра* (примеры взяты из материалов диалектологических экспедиций по пунктам: дер. Богушевич, дер. Осово Березинского р-на, дер. Берляж Пуховичского р-на, Руденский р-н, дер. Гайна Логойского р-на, дер. Лапичи Осиповичского р-на, дер. Козорезы Ивенецкого р-на Минск. обл., дер. Радуты, дер. Савичи Поставского р-на Молодечненск. обл. и др.).

В южной части центральных говоров аканье может и не быть полным, в определенных положениях тут может сохраняться этимологическое *о*: *с'эно, м'ыло, мнóго, балóто, слóво, стáрого* (дер. Пасека Стародорожного р-на, дер. Цепра Клецкого р-на Минск. обл.); такие гсворы уже имеют некоторые черты южных белорусских говоров.

Яканье в центральных говорах также имеет недиссимилятивный характер. В первом слоге перед ударением яканье последовательно распространено на всей территории говоров (за исключением отдельных лексем в ряде населенных пунктов, например *н'имá, н'ихáй, ц'ип'э́р* и др., в произношении которых отражаются элементы диссимилятивного яканья): *з'ам'л'á, в'аснá, в'арбá, н'амá, с'астрá, б'адá, в'аслб, с'алб, с'албм, н'асу́, б'ару́, дз'адбк, ц'амн'э́ц', йадá, йаздá, с'аўбá, н'ару́м*. В некоторых районах этой зоны наблюдается полное яканье, которое проявляется в разных положениях независимо от характера гласного под ударением. Полное яканье мы находим, например, в говорах Пуховичского, Руденского, Березинского районов Минской области, в которых на месте неударных *'а, 'е* и *е* из *ъ* произносятся *'а* не только в первом слоге перед ударением: *дз'ажá, с'астрá, б'адá, н'асу́, дз'ас'áты, в'аснá, н'ас'и́, в'адз'и́*, но и в остальных слогах перед ударением: *с'арадá, л'аб'адá, н'а былá, в'араб'ей, з'ал'ану́ха, н'араскóч'и́, в'ал'ич'ин'á, б'ас рад'н'и́, н'ахватáйя, б'алавáты, з'ал'анавáты, в'арац'анб*, а также и в слогах после ударения: *вóз'ара, в'ыв'аду́, в'ин'асу, в'э́ц'ар, кóб'ал, хлбн'ац, пбн'ал, пáл'ац, вóс'ан', пбл'а, пбл'ам, дáйц'а, пóйц'а, стáн'ам, пад'ым'а, чул'áйям, на рабц'а, у пбл'а, зáйяц, пóяс, нáц'а, куп'áйя* (например, дер. Берляж, дер. Уголец Пуховичского р-на, дер. Осово, дер. Богушевичи Березинского р-на, Руденский р-н Минск. обл.).

Граница полного аканья не совпадает с границей полного яканья, так как полное яканье занимает меньшую территорию. Так, например, в говоре дер. Лапичи Осиповичского района Минской области имеется полное аканье, но полное яканье уже не проведено последовательно, так как не в первых слогах перед ударением может произноситься неударенное *е*: *б'еражбк, в'ерац'анб, з'ел'енавáты*, отрицание не обычно произносится как *ни*: *н'ихарб'и́ы, н'ив'ал'и́к'и*, в слогах же после ударения — яканье: *л'э́з'а, кап'ейяк, у пбл'а, у калхбз'а, чадóйя*. В дер. Новая Гайна Логойского района Минской области (северная часть центральных говоров) также имеется полное аканье, но яканье последовательно передается только в первом слоге перед ударением: *в'аснá, с'астрá, с'алб* и др.; в остальных предударных слогах произносится звук *е* вместо этимологического *е* и *е* из *ъ*: *с'ерадá, б'еражбк, в'ерац'анб, в'екавáц', з'е-*

л'енкавіты; в слогах после ударения произносятся звуки *e, u, a*: *в'еў'ар, хлбн'ац, вбс'ам, у кал'ас'а, у хіц'а, пам'ійа*; но: *вбз'ера, вбс'ен', с'бл'ета, в'м'езу* и: *б'ўдз'им, пай'бдз'им, н'ійшм*.

Звонкие согласные в конце слова и в положении перед глухими согласными в центральных говорах оглушаются: *нош, плух, парбх, стох, сат, рас (з), лоп, хблат, дарбшка, рыпка, лбшка, салбтка, дз'ац'ка, марбс*. Губные в конце слова и перед «йотом» произносятся твердо: *б'ій, п'ій, аб'йба, с'ам'йа, сып, с'ём, вбс'ем, цеп*. С юга, кливом, довольно близко к Минску подходят говоры с произношением: *м'ясо, п'ійц'* (с доподлинительной йотовой артикуляцией). Свойственно центральным говорам и удлинение согласных: *кбл'а, кар'ен'н'е, вбс'ан'н'у, м'ышшу, п'еччу*, но в значительной, юго-западной, части этих говоров удвоенное произношение согласных отсутствует.

В части центральных говоров наблюдается лабиализованное произношение ударенного *a* в положении перед *й* (произношение *o* вместо *a*): *зб'ўтра, бб'ў, сказб'ў, прб'ўда, забрб'ў, адарб'ў, уз'б'ў, трб'ўка, настб'ўн'ик, праб'ў, брб'ўс'а* (например, в говорах Пуховичского, Червеньского, Дзержинского, Минского, Руденского р-нов Минск. обл.).

Грамматические нормы центральных говоров, в основном, совпадают с нормами современного белорусского литературного языка, но имеются некоторые диалектные особенности.

Так, наряду с общими для большей части белорусских говоров формами именительного падежа множественного числа существительных мужского рода на *-ы, -и* (*бар'ы, л'асы, кавал'ы, луц'ы, сын'ы, валасы, сваты*), в ряде говоров распространены формы на *-э, -е*: *касцэ, валэ (валэ), бак'э, нажэ, снапэ (снапэ), кавал'э, сынэ (сынэ), братэ (братэ)*. Эти формы отмечены, например, в Стародорожском, Пуховичском районах Минской области, в некоторых районах Гродненской области (на юго-запад от Минска). В родительном падеже множественного числа существительных мужского рода употребляются, как и вообще в белорусском литературном языке, окончания *-аў, -яў, -оў, -ёў*: *валасб'ў, каласб'ў, рабб'ў, кавал'б'ў, м'ес'ацаў, завбдаў, а'н'б'ў, пал'цаў*; подобные окончания встречаются в центральных говорах у существительных женского и среднего рода: *р'эчаў, м'янаў, баласб'ў, в'ёрнаў, в'ёрнаў, п'ес'н'аў, тб'рбаў* (например, в говорах Стародорожского, Пуховичского р-нов Минск. обл.). В дательном и предложном падежах множественного числа существительных мужского рода широко распространены общеполитские формы на *-ам, -'ам, -ах, -'ах*: *дуб'ам, кавал'ам, брат'ам, сын'ам, жасц'ам, у жасц'ах, на садах*. Но употребляются, как и в других говорах Белоруссии, архаические формы на *-бх, -'бх, -бм, -'бм*: *на мастбх, на валбх, на л'удз'бх, дуббм, братбм, жасц'бм*.

В отношении прилагательных мужского рода единственного числа можно отметить лишь окончания *-ы, -и*, как и в литературном языке: *удалы хлбпец, с'ини л'он, скбры, стары, сух'ы, р'ан'н'и*; ср. также и формы именительного падежа множественного числа прилагательных всех трех родов с окончаниями *-ыя, -ія*: *пб'ыйа х'аты, стар'ийа, малад'ийа, дбб'рыйа, с'н'ийа, р'ан'н'ийа*.

Глаголы настоящего времени I спряжения в 3-м лице единственного числа употребляются без окончания *-ц'* (с ударением на окончаниях и без ударения): *нас'э, н'ас'э, б'арэ, жыв'э, дайэ, йбдз'а, ст'ан'а, н'ийа, д'ўмайа, т'ийа*. В некоторых (переходных к северо-восточным) говорах могут употребляться двойные формы: *нас'э — н'ас'еў', б'арэ — б'ареў'*. Глаголы II спряжения употребляются с окончанием *-ц'*: *пб'оўц', кбс'иц', барбн'иц', б'азисц', стайц', л'ажис'*. Такие формы глаголов в 3-м лице единственного числа приняты в белорусском литературном языке, однако

в говорах центральных областей и областей к западу от Минска могут употребляться без окончания и глаголы II спряжения: *йон рбб'а, нбс'а, хбдз'а, прбс'а, кбс'а* (дер. Высокая Гора Березинского р-на, дер. Гайна Логойского р-на, дер. Селедчики Радопковичского р-на Минск. обл. и др.). В 3-м лице множественного числа глаголов I спряжения употребляется окончание *-уц'*: *п'асуц', п'акуц', мб'уц', кладуц', кбжуц'*; глаголы II спряжения имеют окончание *-ац'*: *с'адз'ац', г'адз'ац', сп'ац', прбс'ац', вбз'ац'*. Эти формы являются нормой литературного языка.

Возвратная частица *-ся* произносится мягко: *умыйс'а, купайс'а, байс'с'а, сп'бкс'а, баймс'а*.

Формы будущего времени одинаковы с литературным языком: *буду майцац', будз'ем раб'уц', будуц' хвал'уц'*.

Таким образом, видим, что центральным говорам не свойственно ни дифтонгическое произношение звуков *о, е*, ни твердое произношение возвратной частицы *-ся*, ни еканье; не сохраняется в них звонкость согласных в конце слова, отсутствуют и другие диалектные черты южных белорусских говоров. Не характерно для этих говоров и диссимилятивное аканье, мягкое произношение *р*, употребление окончания *-и'* в форме 3-го лица единственного числа глаголов I спряжения, формы именительного падежа прилагательных мужского рода на *-ий, -ий, -эй, -ей* и другие черты северо-восточных говоров. Центральные говоры обладают всеми основными чертами общеполорусского языка, но вместе с тем имеют и свои специфические диалектные особенности, которыми отличаются от остальных говоров Белоруссии.

Трудно в небольшой статье дать полный обзор особенностей диалектов Белоруссии, усложняет дело и отсутствие достаточного количества монографических исследований о говорах, незаконченность собирания материалов для диалектологического атласа. Однако даже имеющиеся неполные данные о диалектах белорусского языка позволяют поставить вопрос о выделении центральных говоров и об общем членении белорусских диалектов на три основные группы: северо-восточные, центральные и южные. Характерные черты трех крупнейших диалектов Белоруссии ярче всего выявляются на фоне общеполорусского белорусского языка. Возможно, в дальнейшем выяснится необходимость провести деление белорусских говоров на более мелкие группы, однако в настоящее время деление на три названные группы представляется обоснованным.

В качестве иллюстрации приведем образцы связных текстов, записанных в разных местностях Белоруссии.

Северо-восточные говоры

Падуй / падуй в'иц'ар'очык з'з'ал'оныа у'йу /
 Пр'идз'й / пр'идз'й мой м'ил'ен'к'ий з дал'обыа крайу /
 Ой рад бы йа в'иц'ар'очык пав'ейиц' /
 Ды п'ил'з'а зы лазойу /
 Ой рад бы йа к м'йлыа пр'ийёхыц' /
 Ды н'ел'а зы вадойу.

(Дер. Колодецкая
 Костюковичского р-на Могилевск. обл.)

Ран'ш - прыгоб служыт'и / пан там жыв'ец' / у йауб усэдз'ба / хл'еп тады
 малац'ил'и цыпам'и / йак вол'а вышла / пан'имал'ис' / найомвийи б'ис ус'ак'их
 упр'ажак / зудз'й и зудз'й / на свайм йак хочыш / кул'тура ц'ип'ер / а тады раб'отал'и
 ц'ижалб / ц'пам'и павудз'иц' дз'ен' /.

(Дер. Шеркино Лиозненского р-на Витебск. обл.)

Южные говоры

Жыл'ы му з свайим чалавёкам удвайх тóл'к'и // хата нáша стайáла у сáмым канцы с'елá // а му у чéты час йекраз ц'яфам хварел'и // йак пачáл'и н'ёмцы ус'я́х л'удз'ей з'уан'яц' / прышл'и / да нáшай хáты // ал'ё йак убáчыл'и / што му хвóрые / то н'е пашл'и ў хáту / а праз акно ўранáту ў хáту // хата загарéласа // йа ўсхап'яласа и хац'эла ўц'екáц' праз акно // ал'ё чалавёк мой н'е мóжа падн'яцца / в'ёл'м'и парáн'ила йеуб // тал'ы йа схап'яла йеуб на пл'ячэы и вун'есла // ... пóтым на дарб'э чалавёк мой пайбóр // в'ёл'м'и ц'яжк'ийе буд'и рáны / йа заста-лáса аннá и трап'ила да партызáн // у м'еа'ё тóжа рук'и бул'и абчарéл'и / там м'ен'ё вўл'ечыл'и //

[Дер. Хвойня Копаткевичского р-на Гомельск. (б. Полесск.) обл.]

Центральные говоры

А йан'и йак йéхал'и дык пайéхал' и нап'арбóту хвáбрыку // дык мы нааб'эдал'и // пада-л'и карбóу // и паўнáл' и мушч'яны скот у л'ес // а мы а'да'б'и'м'и пал'эз'л'и ў йёт'ыа йáмк'и у пат'óрья // у п'ачóры л'а с'анакóсу // мы с'ад'имó й их н'а чўям // их н'амá // йан'и застап'ис'а пачав'яц' у хвáбрыца // мы ўжó ноч пачўйам // их н'амá // ноч с'ад'имó / а пóтым йак выл'аз'л'и // а йан'и напу да'арб'у'и акружаўц' // страл'яўц' // аш н'асбк кв'эрху пат'к'инула н'арат сáмым пóсам стаубóm //

(Дер. Уголец Пуховичского р-на Минск. обл.)

*

Сравнение языковых особенностей белорусских диалектных групп с литературным языком позволяет сделать вывод, что основой белорусского литературного языка являются центральные диалекты Белоруссии, в связи с чем литературный язык наиболее близок именно к центральным диалектам.

Литературный язык является общим на всей территории, которую занимает народ; он отличается от разговорного своей обработанностью, поскольку создается мастерами слова, наличием установленных норм; это язык, для которого отбираются наиболее удачные, типические особенности народного языка. А. М. Горький так характеризовал отличия литературного языка от народного:

«Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, „сырой“ язык и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно повил это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его»¹², «...литераторы из стихийного потока речевого бытового языка произвели строжайший отбор наиболее точных, метких и наиболее осмысленных слов»¹³.

Нашими лучшими белорусскими писателями во главе с Я. Купалой и Я. Коласом были обработаны языковые богатства центральных говоров Белоруссии, выработаны нормы, отмечены резкие диалектные черты. Значение этой обработки велико потому, что мастера белорусского слова смогли уловить ведущие тенденции в развитии белорусского языка, выделить черты общенародного языка.

«...Купала не только писал белорусским языком, он собирал его и творил, развивал и совершенствовал, придавал ему литературные формы и устанавливал определенные каноны и нормы. Он отработывал его и готовил для той славной миссии, которую ему надлежало выполнять в бу-

¹² М. Горький, О литературе. Литературно-критические статьи, М., «Советский писатель», 1953, стр. 328.

¹³ Там же, стр. 667.

душем, как языку великого и независимого народа, равного среди остальных народов мира», — писал белорусский поэт П. Глебка¹⁴.

Центральные диалекты легли в основу белорусского литературного языка не случайно. Современный белорусский литературный язык начал формироваться в XIX в. на основе живого разговорного общенародного языка и его говоров. Старый белорусский литературный язык к этому времени давно уже вышел из употребления. Средством общения, средством обмена мыслями литературный язык, сложившийся в XVI—XVII вв., уже не мог быть; на этом языке не могли писать свои воззвания к народу Кастусь Калиновский, свои стихи Ф. Богушевич, Я. Купала и Я. Колас. Новая белорусская литература стала создаваться на основе живого разговорного языка формирующейся белорусской нации; борьба за становление белорусского языка в литературе была связана с национально-освободительным движением в Белоруссии. Белорусский писатель Ф. Богушевич (1840—1900), призывая к использованию белорусского народного языка в литературе, писал в предисловии к сборнику «Дудка белоруская»: «...я сам когда-то думал, что язык наш — „мужицкий“ язык, только и всего. Но... как научили меня читать, писать, с той поры я много где был, много чего видел и читал, и убедился, что речь наша такая же народно-разговорная и господская, как и французская или немецкая, или какая-либо другая»¹⁵.

Нормы литературного языка в то время еще не были выработаны, не было создано грамматики, не разработано правописание. Первоначально писатели вводили в литературу элементы своего местного диалекта, пытаясь обработать его литературно. Поэтому в произведениях ранней белорусской литературы довольно отчетливо проявляются диалектные особенности белорусских говоров. Ср., например, в языке анонимной поэмы «Энеида навыворот»¹⁶ такие черты смоленско-витебских говоров, как формы глаголов 3-го лица единственного числа I спряжения с окончанием *-ць*: *плывець, прэць, п'ець* и др.

Территория центральных говоров сыграла значительную роль в формировании белорусской нации: именно эта территория постепенно становилась ее политическим и экономическим центром. В период формирования литературного языка немалую роль сыграл и город Минск, в котором сосредоточивалась культурно-политическая жизнь белорусского народа. Особенное значение приобрела эта территория после Великой Октябрьской социалистической революции, когда было создано белорусское социалистическое государство с столицей — г. Минском. После воссоединения в 1939 г. белорусского народа в одном государстве центральные говоры пополнились в своем составе близкими к ним говорами, простиравшимися на запад до границы БССР. Уроженцами территории центральных говоров был ряд белорусских писателей во главе с основоположниками литературного языка Я. Купалой и Я. Коласом.

Таким образом, «...центральный говор со своими особенностями занял в литературе господствующее положение и стал нормой белорусского литературного языка, правда, пожертвовав некоторыми узко диалектными особенностями»¹⁷. О том, что в основу белорусского литературного языка легли центральные говоры, писал еще и акад. Е. Ф. Карский: «Употреб-

¹⁴ П. Г л е б к а, О языке Янки Купалы, газ. «Літаратура і мастацтва» (Минск) 10 VIII 46 (на белорус. языке).

¹⁵ Ф. Б о г у ш е в и ч, Избр. произвед., Минск, Гос. изд-во БССР, 1952, стр. 25.

¹⁶ «Энеида навыворот», в кн. «Белорусская литература XIX столетия», Минск, 1950 (на белорус. языке).

¹⁷ К. К. К р а п и в а, Труды И. В. Сталина в области языкознания и задачи белорусской советской литературы, Минск, 1951, стр. 15 (на белорус. языке).

ляемая большинством современных белорусских писателей речь имеет в своей основе сильно акающий отдел юго-западных говоров. Поэтому в ней обычны *a* вм. *o* безударного, *p* твердое, 3-е лицо без *-ць*¹⁸. Е. Ф. Карский не выделял центральных говоров среди юго-западных, но всегда оговаривал наличие особых говоров с так называемым умеренным аканьем и дифтонгами на юге Белоруссии и сильно акающих говоров — в центре.

Современный белорусский литературный язык имеет такие общебелорусские черты, как дзеканье и цеканье, твердое произношение шипящих и *ц*, переход *в* и *л* в определенных положениях в *у* неслоговое (*ў*), вторичные неударенные гласные *a*, *и* в начале слова перед сочетанием *л*, *p* + согласный (*иржаб*, *аржань*, *ильнў*), твердое произношение губных в конце слова и перед «йотом», фрикативное *г*, аканье в разных его вариантах, чередование слогов *ро-ры*, *ло-лы*, *ле-ли* и другие фонетические черты. Литературный язык воспринял основные черты морфологии и синтаксиса, свойственные всем или большинству говоров белорусского языка, например, формы именительного падежа множ. числа существительных мужского рода на *-ы*, *-и* (*бары*, *л'асы*, *чарады*), формы родительного падежа существительных мужского рода на *-а*, *-я* и *-у*, *-ю*, родительного падежа множественного числа на *-аў*, *-яў*, *-оў*, *-ёў*; формы дательного, творительного и предложного падежей множественного числа существительных всех трех родов на *-ам*, *-ям*, *-ами*, *-ями*, *-ах*, *-ях* и т. д. Установлена определенная система форм склонения и спряжения, синтаксических категорий. Литературный язык использовал общебелорусский фонд лексики, сложившийся на протяжении ряда столетий.

Многие черты современного литературного языка являются характерными чертами центральных белорусских говоров, легших в основу белорусского национального языка. Такими чертами являются в первую очередь полное аканье (с недиссимилятивным аканьем в первом ударном слоге) и твердое *p* (свойственное и южным говорам). Поскольку аканье даже в центральных говорах не всюду является полным, в литературном языке принято как норма неполное аканье (только в первом предударном слоге: *вясна́*, *зямля́*, *бядо́*). Нормой литературного языка являются и формы 3-го лица единственного числа глаголов I спряжения без *-ць* (*нясе́*, *спява́е*) и глаголов II спряжения с окончаниями (*кба́сьць*, *прба́сьць*). Окончаниями прилагательных мужского рода являются в именительном падеже единственного числа стянутые формы на *-ы*, *-и* (*но́вы*, *сíни*), а в именительном падеже множественного числа для всех родов — *-ия*, *-ия* (*но́вия*, *сíния*). Принято и произношение местоимения *яна́*, тогда как в северо-восточных говорах говорят *ина́*, а в южных — *сонá*; принята и распространенная в большей части Белоруссии форма местоимений в именительном падеже: *ён*, *той* и др. Хотя нестяженные формы прилагательных женского рода в именительном падеже единственного числа и удлинение согласных (*голле*, *каменне*) распространены не на всей территории центральных говоров, они являются нормой литературного языка, так как распространены в большей части Белоруссии.

Однако в литературный язык вошли не все диалектные особенности центральных говоров: не принято как литературная норма сильное аканье (*з'ал'анава́ты*, *в'араца́ноб*, *да́йц'а*, *пба́йц'а*, *вба́ра*); не употребляются формы 3-го лица единственного числа глаголов II спряжения без окончания *-ць* (*кба́сь*, *прба́сь*) и формы именительного падежа множественного числа на *-э*, *-е* (*валэ́*, *барэ́*, *кавалэ́*); отсутствует произношение звука *o* вместо *a* перед *ў* (*прба́ўда*, *трба́ўка*). Не стали нормой и иные

¹⁸ Е. Ф. Карский, Русская диалектология, стр. 118.

диалектные черты, распространенные не только в центральных говорах, но и в остальных диалектах Белоруссии, например, окончания дательного и предложного падежей множественного числа существительных на *-ом*, *-ём*, *-ох*, *-ёх* (*братом*, *час'ц'ом*, *час'ц'ох*, *панёх*), формы винительного падежа множественного числа существительных (обозначающих одушевленные предметы, но не лица), совпадающие с именительным падежом (*пасу каровы*), и др., так как эти черты являются в языке архаичными, не отражающими тенденций развития белорусского языка.

Отметим, что некоторые диалектные черты центральных говоров, которые позднее не были восприняты литературным языком и стали считаться диалектизмами, были представлены в ранних произведениях Я. Купалы и Я. Коласа, так как нормы литературного языка в то время еще не были выработаны. Так, например, Купала часто употреблял формы 3-го лица единственного числа глаголов II спряжения без окончания *-ць*; эта черта распространена в языке поэта настолько сильно, что редакторы не отваживались исправлять эти формы даже в послеоктябрьский период: *ходзе*, *гутарку заводзе*, *заходзе* (стихотворение «Вясна»), *зачэпе*, *ад'енча*, *працярабе* («Над ракой Арэсай»). В ранних произведениях Я. Купалы встречались и формы существительных именительного падежа множественного числа на *-э*, *-е*: «Канé-арл'и вихром імчалі с края ў край» (стихотворение «У харомах», 1918. Фотоснимок с рукописи музея Я. Купалы).

Уже при беглом ознакомлении с ранними произведениями Я. Купалы создается впечатление, что для его языка характерно полное аканье, но яканье неполное, даже с элементами диссимилятивного яканья: *ни дружы* с *панамі*, *вясельі*, *яды*, *сідзяць*, *сытыя*, *прытухлыя* и др. (стихотворение «Ни дружы», Янук К. Фотоснимок с рукописи).

В сборнике Я. Купалы «Шляхам жыцця» (Пб., 1913) довольно последовательно выдерживается написание буквы *я* в первом предупредительном слове перед всеми ударенными гласными, кроме *а*: *цябе*, *ацяплі*, *аквяці*, *зямлі*, *ня гром*, *вясёлы*, *вясну*, *прыбары*, *яны* и др., но перед ударенным *а* уже пишется *е*: *лецяць*, *зэтае*, *не арэ*, *нема*, *німа*, *меняеця*, *угледаючыся* и т. д. Такие написания могли быть продиктованы произношением поэта. Действительно, диалектные данные показывают, что диссимилятивное аканье заходит в северную часть центральных говоров; элементы диссимилятивного аканья имеются в говорах, представителем которых является Я. Купала. Сильное яканье в произведениях Я. Купалы не отражено, не было оно воспринято и белорусским литературным языком.

Все остальные черты литературного белорусского языка находят свое отражение в ранних произведениях Я. Купалы:

Не шасьцяць каласы,
Звон не валіцца с касы.
Не кладуцца ў стог пласты,
Толькі сыплюцца лісты
На яловыя кусты,
На сухіе верасы

(Стихотворение «Адцеітанне»,
сб. «Шляхам жыцця»).

В этом отрывке мы находим отражение полного аканья, дзеканья, неполного яканья, оглушения звонких согласных, твердости *р* и пишущих, формы существительных, прилагательных, глаголов, лексику, присущие белорусскому литературному языку, даже орфография довольно близка к современной.

Детские годы поэта прошли в различных местностях б. Минской губ., преимущественно в ее северной части (Вилейский, Борисовский уезды и др.). Это — территория центральных говоров с аканьем, твердостью *p* и другими чертами, с элементами диссимильного яканья. Таким образом, северная часть центральных говоров явилась основой языка одного из выдающихся белорусских писателей, основоположника белорусского литературного языка Янки Купалы.

Все основные черты современного литературного языка находим и в ранних произведениях Я. Коласа. Даже в таком сборнике, как «Другое чтение для дзядей беларусаў» (Пб., 1909), в котором Колас стремился нормализовать язык, установить правила орфографии, широко отразились фонетические особенности центральных говоров белорусского языка: аканье, дзеканье, твердость *p*, шипящих и *ц*, удвоенное произношение согласных, оглушение согласных в конце слова и перед глухими и др.

В приведенном ниже отрывке из стихотворения «Вясковыя дзеці» (помещенном в указанном сборнике) фонетические, грамматические и лексические черты языка Я. Коласа чрезвычайно близки к современному литературному языку, близка к современной и орфография:

Пусты ў летку нашы сёлы:
 Ўсе на полі за сярпом,
 Толькі дзетак крык вясёлы
 Льецца ў вуліцах ручком.
 Вечер кудры іх цалуе,
 Мые дождж іх бледны твар;
 З імі сонейка жартуе
 І цяпло ім шле, як дар.

Как и в произведениях Я. Купалы, здесь отражено неполное яканье (т. е. яканье отсутствует в безударных слогах, кроме первого предупредного). В первом предупредном слоге перед ударенным *a* часто пишется *e* (*спеваць, дзеўчат*), в то время как перед остальными ударенными гласными пишется *a* (*яны сядели, яшчэ, яму, пясок, вяселы, вячэрняя* и др.).

В говоре дер. Николаевщина Столбцовского района Минской области — местности, где родился и провел детские годы Я. Колас, — проявляются все характерные черты центральных говоров: недиссимильное аканье, неполное яканье, твердое произношение *p*, шипящих, *ц*, оглушение согласных, встречаются окончания существительных мужского рода в именительном падеже множественного числа на *-э, -е: баравик'э, пацан'э, бурак'э* (такая особенность была и в языке дореволюционных произведений Я. Коласа), окончания прилагательных на *-ы, -и (стары, сьні)*, а во множественном числе — *-ыя, -ія (старыя)*, глаголы I и II спряжения в 3-ем лице употребляются без окончаний *-ць (пасэ, жэнэ, чытае, кбля, пбля)* и т. д.

Таким образом, в ранних произведениях белорусских писателей Я. Купалы и Я. Коласа уже отчетливо выступают основные черты белорусского литературного языка, хотя и наряду со спенифическими диалектными чертами центральных говоров. Позднее, когда установились фонетические и грамматические нормы литературного языка и выработалась орфография, некоторые из диалектных черт в языке писателей остались вне литературного языка, но все важнейшие черты центральных говоров легли в основу современного белорусского литературного языка.

Было бы неправильно считать, что между литературным языком и центральными говорами нет различий. Белорусский литературный язык создан на основе центральных диалектов, но воспринял из них такие наи-

более характерные для белорусского языка черты, как полное аканье, твердость *p*, удлинение согласных и т. д., — черты, распространенные полностью или частично и в остальных говорах Белоруссии на значительной территории.

При всем этом литературный язык отказался от ряда узко диалектных черт центральных говоров, восприняв и некоторые черты, широко распространенные в северо-восточных говорах, как, например, удлинение согласных (*каменне, збожжиса*), отсутствие стянутых форм прилагательных женского и среднего рода в именительном падеже единственного числа (употребление полных форм: *новая, синяя*), употребление глагольной формы *ёсць*, произношение *п'ац'*, *м'аса* вместо распространенного в южных и части центральных говоров *пй'ац'*, *мй'асо* и др. Таким образом, литературный язык не совпадает полностью ни с одним диалектом белорусского языка, он является общим на всей территории нации и является средством связи между всеми представителями нации, средством обмена мыслями, а тем самым средством развития общества, средством развития национальной культуры.

Между литературным языком и народными говорами существуют сложные взаимоотношения: литературный язык оказывает значительное влияние на диалекты через школу, радио, кино, печать, сглаживая диалектные особенности; с другой стороны, языковые особенности диалектов могут проникать в литературный язык, в первую очередь в язык писателей.

Особенно подвижной и изменяемой является в языке лексика. Несомненно, что лексика белорусского литературного языка, складываясь на основе центральных говоров, впитала в себя ряд особенностей остальных диалектных групп. Лексика современного белорусского литературного языка значительно отошла от лексики диалекта-основы, так как это уже лексика культурного, передового народа, лексика, которая не ограничена сельскохозяйственной, производственной и бытовой терминологией, а имеет свою разработанную научную, научно-техническую, общественно-политическую терминологию. Лексика белорусского литературного языка развивается под благотворным влиянием русского языка; для осуществления этого влияния Великая Октябрьская революция открыла широкие возможности.

Проблема формирования белорусского литературного языка и его взаимоотношения с диалектами требует еще дальнейшего глубокого и всестороннего изучения. Большую помощь в этом отношении могут оказать исследования о языке ведущих белорусских писателей, глубокое изучение диалектов, а также создание диалектологического атласа белорусского языка.

Только общими усилиями всех работников лингвистического фронта может быть полностью разрешена проблема диалектной основы белорусского литературного языка.